

ИРИНА КАЛИТИНА

ДЕШЕВАЯ КВАРТИРА

12+

Ирина Калитина

Дешевая квартира

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34709910

SelfPub; 2021

Аннотация

Заработав некоторую сумму в долларах, Кира пытается купить комнату в поселке за городом. Неожиданно поступает предложение за эти же деньги приобрести квартиру. Не подозревая, женщина вступает в контакты с шайкой уголовников и криминальных цыган.

Ирина Калитина

Дешевая квартира

Когда Генриетта Карловна, учительница физики, красивая, как ворона, тёплая, как стальная указка в её руках, логичная, как все законы вместе, от Ома до Ньютона, буравила мозги ученикам истинами по своему предмету, Кира украдкой смотрела в окно.

Внутри закрытого двора шестиэтажного, серого здания, бывшего доходного дома какого-то купца, а ныне общеобразовательной школы, не было видно ничего, кроме таких же, больших, трёхстворчатых окон, в каждом свет и силуэты учеников за партами.

Сквозь монотонный голос, который перепиливал голову понятиями о кинетической и потенциальной энергии, и железными, неоспариваемыми словечками: «вогично», или «не вогично», (вместо «л», Генриетта Карловна произносила «в»), возникали простые и лёгкие строчки Пушкина: «Мы все учились понемногу, чему-нибудь и как-нибудь». А потом, чтобы не расслабляться, вмешивался серьёзный Грибоедов: «Чтоб наших дочерей всему учить – всему, и танцам, и пенью, и нежностям, и вздохам». Нет, «нежностям и вздохам» – это ещё скучнее, чем закон Фарадея, да и «не вогично» после математической школы стать, нежащейся в тепле

и уюте, «домашней киской» или подругой военного в далёком гарнизоне без работы, театра, музейных выставок и старых друзей.

Преодолев математические трудности, и, вымучив, не женскую науку, физику, Кира поступила в престижный ВУЗ, закончив его, защитила диплом и получила распределение на «закрытое» предприятие с высокими окладами.

Было всё в её жизни логичным, пока в магазинах не закончились мясо, сыр, колбаса, туалетная бумага и импортная одежда, а отечественную производили такого качества, что носить её считалось не приличным. Люди захотели перемен, и они наступили...

Ничего из того, что приносило деньги в новое время, названное «перестройкой», Кира делать не умела: ни воровать, ни торговать, ни спекулировать недвижимостью, ни отдаваться мужчинам за валюту. Даже от карьеры страхового агента, поразмышляя, отказалась. Столько лет учиться, чтобы ходить по квартирам и предприятиям, уговаривая неимущих людей и начинающих предпринимателей застраховаться, а потом «кидать» их, если страховой случай наступил? Нет.

Стабильное, прежде, место службы пришлось оставить по единственной причине: зарплату больше не платили, и будут ли платить, никому неизвестно.

В изменившемся мире, где работать кулаком, ножом и пистолетом было тем проще и эффективнее, чем меньше отя-

гощал голову запас научной и художественной литературы, упрямая Кира искала применение своим знаниям, и у неё это получилось неожиданно, а, может быть, и закономерно. Сначала, постигала премудрость составления баланса, азы дебета и кредита на бухгалтерских курсах, потом освоила новую среду программирования.

Научилась делать то, что требовало время и «лучшие» его представители, хозяева небольших торгово-закупочных фирм или магазинов: полуграмотные бизнесмены, бывшие и настоящие воры, бандиты, работники полукриминальной торговли, желающие легализовать деньги и вести бизнес «на воле». У Киры получилось настраивать компьютерную программу так, чтобы наличие и движение всего товара до мельчайших подробностей просматривалось хозяевами в базе данных, а налоговой инспекции попадала только малая часть, что сводило налоги к минимуму.

Прошло года три, непростые усилия по оказанию услуг, не всегда симпатичными ей, людям увенчались определённым успехом в виде чистой прибыли, размером в несколько тысяч долларов.

Можно, казалось, вздохнуть спокойно, запас имелся, деньги помещены в сбербанк. Но, далее следовали коллизии перестроечных лет: помещены, но не хранились, потому что ни банки, ни руководство страны из-за скачков валюты и банкротств не гарантировали сохранности вкладов, а, если и пытались что-то обещать, то им никто не верил.

Эта мысль о ненадёжности с трудом добытых сбережений постучала в Кирину голову жарким июльским днём. Постучала настойчиво, как Генриетта Карловна в детстве с неопровержимыми своими законами.

– «Не вогично» хранить деньги в сберкассе, – услышала Кира въедливый голос, мучивший нестерпимой правотой своих учеников.

На улице – июль, не за горами август, сентябрь, октябрь – месяцы, в которых сотрясали страну, очередная революция, типа ГКЧП, расстрел Белого дома или то дефолт.

«Деньги нужно во что-то вложить, причём срочно, но, во что?»

Ответ традиционен: в недвижимость, конечно. Но как вложить в неё небольшую сумму? На квартиру – не хватит, а комнату, стоит ли покупать? В коммуналке могут оказаться такие соседи, что потом ни сдать, ни продать комнату будет нереально.

Ещё вариант: забрать деньги, из сбербанка, и хранить дома. Для этого потребуется поставить железную дверь вместо старой дубовой с громадным замком, имеющим секрет, и со старинным звонком в виде проворачивающейся ручки-бабочки. Ставить на сигнализацию квартиру Кира не решалась, разница между охранниками и бандитами становилась всё менее заметной.

В изнемогавшем от жары городе, в душной квартире, укладываясь в постель, под звуки тормозов на улице, вды-

хая запах выхлопных газов и жар, потерявшего плотность, асфальта, Кира подумала: «Сейчас бы куда-нибудь в лес или на речку». Так и возник в её голове ответ на вопрос, во что вложить. В комнату за городом.

Почему не в участок или дом? Идти этим тернистым путём они с мужем уже пытались. По причине российского бездорожья зимой до загородных домов и домиков, хозяевам не добраться. При первом снеге уголовники и бомжи уходили из холодного города зимовать «на новые квартиры». Сторожей, нанятых охранять садоводства, можно было в расчёт не брать, они пили вместе с незваными гостями.

Кира и муж никогда не расстались бы со своими шестью сотками в 100 километрах от города, на них располагался удобный вагончик и готовый фундамент под дом, если бы взломщики ограничились только ежегодным воровством алюминиевых бидонов для воды и тележки для их перевоза. В последний раз они оставили испражнения на полу вагончика и на полатах, служивших кроватью. После того, как отмыли вонявшее жилище, Кира и её супруг разлюбили свой кусочек земли. Единственно, что во всей этой истории, удивило Киру, так это каким образом у двух человек одновременно, в острый момент воровства, сработал рефлекс?

Комната в коммунальном доме за городом. Можно ездить туда в выходные дни, отдыхать на свежем воздухе, ходить в лес, купаться в реке или озере, и не заморачиваться на конфликты с соседями, ведь, постоянно жить там Кира не пред-

полагала.

«Заработаю ещё денег, и поменяем комнату на квартиру».

Определившись, во что вложить, Кира поделилась с мужем, тоже готовившимся ко сну. Он вздрогнул: никогда не был «против» того, что придумывала Кира, но никогда и не был «за», потому что не знал, какие усилия потребуются от него в следующем её начинании. Не был «за», но не спорил, её не переспоришь. По крайней мере, в этом случае ему светит только ремонт комнаты, а не перспектива строительства целого дома, как это было пять лет назад.

«А, то она могла бы и снова на дом замахнуться», – подумал он, пристраиваясь к подушке на другой стороне кровати, подальше от жены, прикоснуться к живому и тёплому в такой жаре невозможно.

Уже на следующий день, утром, электричка мчала Киру в посёлок, названный «Сосновая Роща». Это место казалось ей особенно подходящим для отдыха: и лес, и речка, и озеро, и даже скалы.

Четверг. Кира знала, что по будним дням в расписании электричек существует перерыв, поэтому торопилась и успела на предпоследнюю, утреннюю.

Выйдя из электрички, сразу ощутила разницу между мегаполисом и деревней. Свежий, чистый воздух предназначен для того, чтобы им дышать, а не задыхаться и закашливаться от аллергии, вместо скрипа тормозов – живая тишина, перешёптывались берёзы и осины, некошенная трава подступала к

перрону, птички, бабочки – мечта городского жителя летом. Около небольшой железнодорожной станции нет строений, сам посёлок – в трёх-четырёх километрах от железной дороги. Рейсовый автобус подавался к приходу электрички, Кира сумела попасть в него, что было не просто, учитывая разницу между количеством пассажиров, которые перевозит электричка, и возможностями одного, состарившегося, автобуса.

Через несколько минут Кира оказалась на центральной площади посёлка, от неё в разные стороны, лучами расходились улицы, заканчивавшиеся лесом, окружавшем селение со всех сторон. Вдоль улиц – четырёхэтажные здания из белого кирпича, по мере удаления от центра многоквартирные дома, сменялись частными строениями. Одна из улиц пересекала плотину, внизу бурлила, вытекающая из озера, не широкая, но бурная река, почти перегороженная в некоторых местах крупными валунами. На главной и единственной площади располагались магазины, лавка по ремонту всего, от часов до сапог, маленькое кафе в виде, рубленной из дерева, избушки с тремя массивными деревянными столами, выставленными на улицу, мест на восемь, каждый.

Кира зашла в избушку-кафе. Необходимо было осуществить некоторые манипуляции на столе, сесть за который, она предполагала, ей позволят, если закажет еду. Продавщица и Кира посмотрели друг на друга. Крашенные белые волосы, завитые и взбитые в, немислимого размера, причёску, возвышавшуюся над «особой» лет пятидесяти, пористое ли-

цо, покрытое слоем грима, неприятный взгляд, сильно подведённых глаз.

«Курит, – подумала Кира, услышав, как продавщица хрипло откашлялась, – пьёт, и неразборчива в партнёрах по сексу, а понятие о санитарной книжке в этом местечке отсутствует».

Пришлось ограничиться чаем, чтобы не подхватить болезнь.

За столом, прихлёбывая многократно спитый чай, налитый из большого фарфорового чайника, украшенного изображением синего петуха с золотым хвостом в стиле «лубок», Кира открыла сумку, вытащила пачку листов, вырванных наскоро утром из черновой тетради дочери, авторучку, тубик клея «Момент» и ножницы. Разрезала листы пополам, и в каждой части написала фразу: «Куплю комнату в Вашем доме или в доме на Вашей улице». Нижнюю часть листов прорезала поперёк на маленькие полоски, в них указала номер домашнего телефона, мобильный тогда ещё не был в ходу, поблагодарила продавщицу, и отправилась ходить от дома к дому, приклеивая при помощи клея «Момент» то к дверям, то к водосточной трубе, смастерённые ею, объявления.

Часа через три, она снова вернулась на главную и единственную площадь посёлка, остановилась на автобусной остановке, около которой на маленькой скамейке, на валявшихся рядом брёвнах, сидели люди с сумками, ждали автобуса. Он забрал и привёз пассажиров прямо к подходу пер-

вого, после перерыва, поезда.

Вечером в квартире Киры раздался телефонный звонок.

– Здравствуйте, простите, пожалуйста, беспокою Вас по объявлению.

– Здравствуйте, слушаю, – обрадовалась Кира, что так быстро поступило первое предложение.

– Я сотрудник риэлтерского агентства «Ваш дом», работаю с недвижимостью в области, в том числе, и в посёлке «Сосновая роща». Меня зовут Виолетта Юрьевна. Нашла Ваше объявление на доме, согласны ли Вы, чтобы я подыскала Вам в этом или в близлежащих посёлках комнату?

– Да, разумеется, спасибо, – ответила Кира и повесила трубку, а про себя подумала, – зачем мне твоя помощь, за это нужно платить, я и сама найду, так было всегда, – но отказываться от любого варианта не хотелось. В память у неё остались имя и отчество звонившей из-за забавной витиеватости: «Виолетта Юрьевна».

Раздался следующий звонок.

– По объявлению, – коротко, как-то, неприлично грубо, вроде, даже с акцентом, произнёс мужчина.

– Слушаю.

– Есть хорошая комната в трёхкомнатной квартире в самом центре «Рощи», показываю завтра утром, – он назвал время, улицу и адрес дома, – жду внизу у первой от площади парадной.

Было похоже, на другом конце провода человек не имеет

понятия о словах: здравствуйте, извините и пожалуйста. Но, собственно, Кире нужна комната, а не воспитание неизвестного ей субъекта. Она согласилась на встречу по указанному адресу.

Следующее утро пятницы снова провела в электричке, в том же рейсовом автобусе послевоенного образца с единственной дверцей для входа и выхода, и, наконец, она на площади. Улицу отыскала быстро, дом, как все остальные, четырёхэтажный. Кира села на лавочку около первой от площади парадной, рассматривая и саму площадь, и автобусную остановку, ожидая появления звонившего вчера мужчины.

Вскоре, как-то сбоку, не понятно, откуда, появилась странная пара: мужчина и женщина, каждому лет по 30.

Они поздоровались вежливо, и, по тембру голоса и манерам, Кира догадалась, что мужчина этот – не вчерашний телефонный собеседник.

– На третий этаж, там наша комната, мы продаём, – произнесла женщина, и они пошли вверх. Шагая со ступеньки на ступеньку, наблюдательная Кира спрашивала себя: «Что не так в этой паре?». Во-первых, одежда. На женщине – синяя, короткая, лёгкая, как для тенниса, юбка и белая, открытая тонкая блуза. Если бы не жара, про неё можно было подумать, что она собралась на теннисный корт. Мужчина же одет в прекрасный светло-бежевый костюм, светлую рубашку, мягкие, дорогие штиблеты. Он, вероятно, после показа квартиры отправляется на обед в дорогой ресторан.

Но, не только несоответствие в одежде удивило Киру. Женщина, очевидно, имела русское или европейское происхождение: светлые тонкие волосы, подстрижены в форме каре, приятное, круглое лицо, вздёрнутый нос, фигура лыжницы или теннисистки. А он? Не просто тёмные, а чёрные, цвета и блеска антрацита, вьющиеся волосы, смуглая кожа и небольшой акцент заставили Киру сначала предположить в нём кавказца. Но лица кавказских мужчин, по мнению Киры, нарисованы художником, предпочитающим прямые или ломаные линии, а у этого лицо овальное и нос в форме картошки, но не настолько большой, чтобы мужчину уродовать. Да, и акцент не кавказский. Не кавказец, не азиат, и не еврей, скорее похож на индуса, какого-нибудь раджу высшей касты из индийского фильма. Как же она сразу не догадалась?! Конечно, цыган. Если бы не прекрасный костюм, дорогие штиблеты, и роскошная рубашка, мысль, что он из рода «неприкасаемых», первой пришла бы ей в голову.

Переступили порог квартиры, снова – нестыковки. Мужчина и женщина сказали, что это коммунальная квартира, им принадлежит одна комната, но в прихожей стояла единственная вешалка с пятью деревянными крючками... Можно, конечно, допустить, что соседи так любят друг друга, что, не ссорясь, ограничились единственной общей вешалкой, но и в кухне стояли один рабочий, один обеденный стол, три стула и один холодильник, тут не о какой коммуналке речи быть не могло.

Все трое прошли в комнату, метров пятнадцати, просторную, бедно обставленную, но чистую. Кира с мужчиной присели за обеденный стол, а женщина – на диван, но не глубоко, по-хозяйски, а на самый краешек, будто зашла в чужое помещение. Этот факт снова отметила про себя Кира.

– Красивая комната, жалко отсюда уезжать? – бросила она пробный камень, не упоминая, на всякий случай, о замеченных несуразностях, и, ожидая, что ответят странные продавцы недвижимости.

– У нас с этой комнатой связаны тяжёлые воспоминания, здесь умер наш ребёнок, – некстати произнесла молодая женщина. Некстати, с точки зрения Киры, потому что о таком горе, как правило, не говорят с посторонними людьми.

– Да, – коротко согласился мужчина. При этом не последовало ни понимающего взгляда в сторону жены, ни желания поддержать её, либо присоединиться к горю.

– Возможно, они жили здесь с родителями одной семьёй, а теперь разводятся, продают комнату, – молча, предположила Кира, приготовившись подождать, что будет дальше.

И, вдруг, услышала, что знакомые этой пары срочно продают небольшую однокомнатную квартирку за те же деньги, что они – комнату. Не захочет ли Кира посмотреть? Предложение было настолько интересным, что Кира не подумала даже, зачем предлагать покупателю вариант, очевидно, более привлекательный, чем их? То ли не поступило от Генриетты Карловны предупреждения о нелогичности такого поступка,

то ли Кира предупреждения не услышала, обрадовалась, подумав, что в жизнь её вмешалось небо, и решило вознаграждать за чрезмерные труды в последние годы, появился шанс, купить сразу же квартиру за городом по цене комнаты.

– Проводишь гостью? – обратился мужчина к спутнице, та согласилась, и, он ушёл, не оборачиваясь, не прощаясь, ни о чём с женой не договариваясь, было видно, по делам неведомым его спутнице, как абсолютно посторонний человек.

Женщины вышли из дома, пересекли площадь, миновали автобусную остановку, прошли мимо нескольких домов. Тот, у которого они остановились, был последним многоквартирным на улице, за ним шла полоса низкого и частого молодого ельника, с кустами черники и голубики среди мха.

Женщина и Кира, вслед за ней, вошли в последнюю от площади парадную. На первом этаже лестничная площадка не убиралась давно, будто бы в доме не жили вовсе, и из четырёх входных дверей, двое были забиты грубыми, необструганными досками, по три на каждую дверь. Кира вздрогнула, ей не хотелось иметь здесь жильё. Не слушая возражений, провожатая позвонила в звонок одной из не заколоченных дверей, на вопрос из-за двери: «Кто?», произнесённый низким женским голосом, ответила: «Пришли смотреть квартиру», и тут же ушла.

Дверь отворили. На пороге перед Кирой, в позе королевы, не меньше, стояла высокая статная красивая женщина в цыганской шали на плечах, с чёрными волосами на пря-

мой пробор и, как потом увидела Кира, толстой косой, уложенной, ниже затылка. Она, молча, посмотрела Кире в глаза, её взгляд, оценивающий и внимательный, был направлен внутрь Киры, расслаблял и приказывал.

Не тут-то было, Кира имела опыт работы с главными бухгалтерами, директорами фирм, преимущественно торгово-закупочных и с налоговиками. Все эти индивидуумы – тоже, своего рода, экстрасенсы, хотят и умеют влиять на ситуацию, но ни у кого из них не получилось сыграть с Кирой в такую игру: подчинить своей воле. Даже у Кашпиоровского не получилось, хотя, помнится, сидя перед телевизором, она жаждала быть заговорённой, и избавиться от зубной боли при посещении стоматологического кабинета на следующее утро.

Кира, в ответ, зло посмотрела ей в глаза, вернув обратно гипнотический луч, который посылала хозяйка квартиры. Женщине стало неинтересно, она, как-то, по-царски, повела плечом, сделала шаг в сторону, и Кире опять было чему удивиться. За спиной хозяйки оказалась не маленькая хрущёвка, а бесконечное пространство, будто Кира попала в другое измерение. От неожиданности у неё прервалось дыхание. Постояв в растерянности, она, наконец, осознала, что не только в квартире, в которую зашла, но и в соседней, с заколоченной дверью, и в квартирах соседнего подъезда снесены все стены, кроме несущих. Получалось одно помещение без внутренних перегородок. Оставшиеся же стены нельзя было

рассмотреть за аляповатыми коврами, дешёвыми репродукциями. Окна, наполовину занавешены порттьерами, с чудовищно безвкусной росписью. В середине зала – стол, покрытый скатертью из красного плюша, заимствованной, видимо, в кабинете партийной или комсомольской организации. За столами, под таким красным плюшем, ещё несколько лет назад собирались на заседания чиновники от компартии, комсомола и, даже, дети-чиновники от пионерии.

Всё увиденное напомнило Кире фильм «Место встречи изменить нельзя»: большущая комната, стол, мужчины и две женщины, очень красивые, криминальные. Эта была в единственном числе, но не хуже красавиц из кино. Кире не пришлось бывать ни в воровской «малине», ни в жилище цыган, она не поняла, куда попала, только ощутила опасность. Обликом хозяйка помещения не напоминала цыганок, которые встречаются на улицах: небольшого роста, с золотыми зубами и украшениями, пристающих к прохожим. От них Кира шарахалась в сторону. В этой же красавице было много стати и большое чувство собственного достоинства. Она завораживала, притягивала к себе, и знала это.

– Где же квартира? – спросила, едва пришедшая в себя, Кира, рассматривая бесконечные пространства за спиной женщины.

Красавица позвала кого-то, и в пустом зале, из-за угла, появились двое: мужчина лет 50 и мальчик лет 12-13, ростом немного ниже Киры. Мальчика, тоненького и вёрткого, по

внешнему виду, нельзя было назвать цыганом, он подошёл к Кире, встал справа от неё, немного за спиной, и это стало ей как-то неприятно или неудобно.

Но не мальчик произвёл впечатление на Киру. Не спеша, переваливаясь с ноги на ногу, на «сцену» вышел мужчина в тёмно-голубой футболке, накинутым поверх неё, лёгком пиджаке, цвета стали, и в таких же брюках, заправленных в высокие, по колено, сапоги. Очень широкоплечий, почти квадратный немного ниже красавицы, наверное, одного с Кирой роста, с серебряной шевелюрой, седеющих, бывших когда-то тёмными, волос.

Мужчина? Нет, скорее животное, видимо, недюжинной силы, красивое и свирепое остановилось, напротив, в двух шагах от неё.

От существа исходила такая мужская сила, такое желание, что ноги Киры стали слабыми.

Подобных представителей противоположного пола ей встречать не приходилось. Зверь из тайги, дикий, злой, не доверяющим никому, готовый насмерть сражаться за кусок пищи или за самку. «Горбатый» Джигарханяна выглядел интеллигентом в сравнении с ним. К тому же мужчина не был горбат, а, по-своему, красив.

В неё снова упёрлись глаза, и Кира изумилась тому, что теперь это были не чёрные цыганские, а сине-голубые, как чистое июльское небо в тот летний день. Она едва стояла на ногах, ощущая власть зверя, призыв самца.

И всё-таки, Кира знала себе цену. Стройная, изящная, зеленоглазая шатенка, умела заставлять мужчин смотреть на себя, и отвечать взглядом, который можно было бы понять, как «да», и как «нет». Это её забавляло, но в данном «стойбище» было не до забав. Ответить чудовищу таким же взглядом, каким ответила женщине, означало бы сказать: «да». Кира опустила глаза.

Когда она собралась с силами и снова взглянула вокруг, то заметила, что женщина пристально смотрит на неё с улыбкой, причём недоброй.

– Ей нужна квартира, отведёшь, – властным голосам произнесла «королева», как бы одёргивая мужчину, желая оторвать от Киры.

Мужчина, обернулся, посмотрел на красавицу, тоже усмехнулся, как будто она была, всего-навсего, глупым ребёнком.

«Видимо, тут какая-то борьба за лидерство, пожалуй, надо уходить», – почувствовала Кира.

– Меня не нужно провожать, – возразила она, – дайте адрес, сама найду. – Она расстегнула молнию на сумке, чтобы достать ручку, блокнот и записывать.

В это время нос, стоящего за плечом, мальчика приблизился, почти, лёг на плечо Киры, прополз по руке, в сантиметре от неё, и застыл у раскрытой сумки. Кира увидела серый затылок с проплешиной от стригущего лишая. Было такое ощущение, что вдоль руки проскользнула змея, рука от

локтя до запястья покрылась мурашками. Кира захлопнула сумку, и быстро произнесла: «Хорошо, пойдёмте».

Она выскочила на лестничную площадку, пробежала, потревожив брошенные листки засаленной, мятой бумаги, использованные полиэтиленовые бутылки, и, наконец, оказалась на улице.

Слава богу, свежий воздух, птички поют, она больше не в страшном притоне. На улице встречались люди, что придавало уверенности.

Спутник сразу же обогнал её, шагали молча. Кира видела массивную, гору-спину медведя, самца в лёгком пиджаке, хозяина тайги и той женщины, которая привыкла повелевать, а он над ней, только что, посмеялся. Они пересекли площадь и направились в сторону плотины. Когда переходили висячий мост над рекой, он спросил:

– Деньги с собой?

– Нет, мы договаривались, что я только посмотрю. – стало не по себе, потому что вопрос был задан на неустойчивом, из досок, мостике, а внизу, в метрах пятнадцати, бурлила река, вскипая перед каждым валуном.

– Хорошо, хорошо, – достаточно мягко, успокаивающе произнёс спутник.

Они миновали плотину, прошли по улице, и оказались около другой хрущёвской четырёхэтажки. На лестнице чисто. На первом этаже спутник позвонил, сказал, что привёл смотреть квартиру, и исчез. Кира выдохнула, спало напря-

жение, в котором находилась рядом с чудовищем. Но на этом приключения не закончились.

Теперь перед ней стояла женщина, постарше её, хотя точно этого утверждать было нельзя, высохшая, грязно одетая в тёмно-коричневые тона, невзрачная, небольшого роста, говорившая и державшаяся, как опустившаяся алкоголичка, но, удивило Киру то, что запаха вчерашнего или сегодняшнего алкоголя не было. Из прихожей виднелась комната, в которой у стола собирала книги в сумку-портфель симпатичная девушка-блондинка лет 18.

– Иди, проходи, смотри, – низким, прокуренным, мужским голосом, в, весьма, грубой форме, сразу на «ты», пригласила хозяйка квартиры.

– Звонила по телефону, похоже, она, – узнала голос Кира, – но, зачем, в таком случае, мне предлагали комнату? Или я ошибаюсь?

Кира осмотрелась. Грязновато, ремонт необходим, но о такой квартире за городом в приличном доме, она могла только мечтать. Конечно, помещение небольшое, комната метров 18, кухня – не больше шести, совмещённые ванна и туалет, но за домом сосновый бор, грибы, черника. И, самое главное, цена низкая. Неужели, ей выпал шанс? В первый раз в жизни она получит желаемое не ценой труда, а, как выигранный лотерейный билет?

– Я – против, – прервал размышления возмущённый голос девушки. Она перешла из комнаты в кухню, вместе с

портфелем.

«Почему говорит так громко? – задала себе вопрос Кира, – не похоже, что её мать плохо слышит».

– Помолчи, – прикрикнула неряшливая женщина, – то тебе джинсы, то пальто! Слышь? – она обратилась к Кире, – не обращай внимание, сделает всё, как надо, у тебя дочь есть?

– Нет, – соврала гостя, не желая обсуждать с посторонним близких.

– Ну, ты прикинь, у нас долги, а она упирается. – Продолжала жаловаться женщина, подобно грубому мужику-пьянице. – Не бойсь, всё пройдёт как надо. У меня, видишь, срок действия документов заканчивается, понедельник последний день. Нет времени снова справки оформлять, поэтому и продаю так дешёво.

Женщина начала раскладывать на обеденном столе, около которого раньше стояла девушка, документы. Потом, неожиданно, для такого опустившегося, по мнению Киры, человека, аккуратно отметила информацию, которая могла заинтересовать покупателя, указав на печати, правильно назвала службы, которые выдают справки для продажи недвижимости, сделав в их адрес несколько точных замечаний. Точность эта удивила Киру, привыкшую работать с документами. Потом женщина выложила на стол паспорта: свой и дочери.

– Я сама юрист, – сказала грубая хозяйка квартиры, снова, удивив покупательницу. Кира могла бы это допустить по

тому, как продавец обращалась с документами, но жилистые узловатые, в морщинках, с ломаными ногтями, кисти рук владелицы квартиры показывали, что ей приходится много работать, именно, руками на улице или в поле, и никак, не в кабинете головой. Однако, руки не дрожали, как это бывает у алкоголиков. Кира незаметно опустила глаза и взглянула на ноги женщины под короткой, коричневой, в жирных пятнах, юбкой, похоже шерстяной, в такую жару. Ноги не выглядели синеватыми, как у многих алкоголичек. Да, это был день несуразностей.

– Так, чё, покупаешь квартиру или нет?

– Да, – ответила Кира, подумав, что, если сейчас не требуют денег, значит, нужно соглашаться, а потом, в крайнем случае, можно и изменить решение.

– Слышь, ты мне дай свой паспорт, я документ купли-продажи к понедельнику подготовлю, чтоб быстро всё оформить, здесь нотариус работает на соседней улице.

– Я, против! – девушка выскочила из кухни, и часто задышала, глядя на мать.

– Заткнись, к бабушке тебя пропишем, прямо в понедельник, – спокойно возразила мамаша.

– У меня нет с собой паспорта... – колеблясь, сказала Кира, но подумала, что женщина свой показала.

– Ну, тогда, это несерьёзно, тут другие люди шарахаются, я им продам.

– Подождите, я помню наизусть, – Кира испугалась, что

потеряет хороший вариант. Ей неоднократно приходилось заключать договора с клиентами без паспорта, записывая данные по памяти.

– Ладно, другим откажу. А ты к понедельнику деньги-то подготовишь? Небось, из банка надо успеть взять сегодня вечером, банк-то твой в субботу работает?

– Не беспокойтесь, они у меня дома, – соврала Кира.

На прощание девушка прокричала:

– Можете не приходите, я не пойду к нотариусу!

– Вот, зараза, – произнесла любящая мать и захлопнула за Кирой дверь.

Да, вариант – супер, квартира дешёвая, даже слишком, удобно расположена, и лес рядом, и от станции недалеко. Только во всей этой поездке было слишком много странностей.

– Противоречиво и «не вогично», – будто бы, воткнул спицу в голову холодный голос Генриетты Карловны, и Кира не нашла, что возразить. Нужно подумать.

Во-первых, дочь не хочет продавать, но, похоже, мать решит этот вопрос. Должна ли она отказываться от сделки, потому что девочка потеряет квартиру? Нет, мать, всё равно, продаст, но другим людям. Кире, должно быть, повезло, что она встретила эту алкоголичку, готовую за невысокую цену расстаться со своим жильём.

Стоп. Это будет, во-вторых. Алкоголичка ли она? Скоро уже час дня, если бы страдала алкоголизмом, её должно бы

сотрясать от желания выпить, умоляла бы у Киры денег на бутылку, но нет, этого не было.

В-третьих, юрист ли эта женщина? Судя по тому, как разбирается в документах, и какую использует терминологию, да. Однако, по рукам и всему облику её, похоже, что она давно уже юристом не работает. Но при операциях с недвижимостью, не спрашивают образование и место работы продавца квартиры, почему этот вопрос должен волновать Киру? Не должен, но волнует.

В-четвёртых, может ли она доверять местному нотариусу и собирается ли, вообще, везти сюда деньги, хотя бы, и с мужем? Скорее всего, нет. Нужно предложить покупателям оформлять сделку в городе, в нотариальной конторе, которая занимается загородной недвижимостью. Но как успеть, ведь понедельник, это последнее число, когда действительны документы грубой женщины? Надо подумать.

Размышляя, Кира подошла к автобусной остановке и увидела в расписании, что автобус и, следовательно, электричка будут через полтора часа, она попала в дневной перерыв.

Кира направилась в сторону маленького кафе со столами на улице. Здесь находилось несколько человек, все мужчины. Они пили пиво. Некоторые сидели за столами, некоторые на столах, свесив ноги, а кто-то стоял. Кира снова обменяла свои деньги на многократно спитый чай, рискнула даже купить липкий выпечной пирожок, неаккуратно вымазанным повидлом, и присела за стол, с краю, на свободное

место, подумать.

Грубый разговор и хохот соседей отвлекали от мыслей, стала прислушиваться. Соседями по кафе были человек восемь молодых людей, лет 25-30. Все стрижены наголо, очень здоровые, с начинающими отрастать животами, свидетельство злоупотребления пивом, все раздеты по пояс, что не удивительно при такой жаре. На потной шее каждого висела здоровая золотая цепь с крестом. Толщина цепи и величина креста, вероятно, были пропорциональны цене иномарок, которые сверкали чёрным покрытием здесь же, на площади, рядом с кафе.

«Местные бандиты, они же и бизнесмены», – поняла Кира. И неожиданная мысль о том, что сейчас можно прояснить все вопросы, пришла в голову. С контингентом, который оккупировал поселковое кафе, ей приходилось работать, как с ними общаться, знала.

– Простите, господа, – стеснительно произнесла она нежным голосом, которым, наверное, возвышенных чувств девица, спрашивает в филармонии, как пройти в туалет, – вы мне не подскажите, сколько здесь стоит недвижимость? Я в первый раз в вашем замечательном посёлке... – Теперь хрупкая женщина казалась совершенно беспомощной.

Мужчины повернулись к ней и заржали. Или мысль о том, что посёлок замечательный, так понравилась им, или наивность городской дамочки развеселила.

– Это вам к Семёну, – весело произнёс тот, у которого

цепь была толще остальных, и, следовательно, ему принадлежало право говорить первому.

Семён, с, казалось, позолоченной головой, от рыжих, едва отросших, волос, в веснушках с красными глазами сразу же весь собрался, и воткнул взгляд в Киру.

– Покупаете, продаёте? – быстро спросил он.

– Мне неожиданно предложили купить...

– Где, на какой улице? – напрягся Семён.

Кира помнила номер дома и название улицы, но понимала, что, если назовёт их, квартира алкоголички будет стоить ей дороже на величину mzды Семёну, «крышующему», вероятно, местный бизнес по недвижимости, поэтому растерянно сказала, что не помнит название улицы, но идти нужно туда, за плотину.

– Дом последний?

– Точно не помню, но возможно.

Она помнила точно, последний.

– Этаж?

– Первый.

Тут было не уйти от прямого вопроса.

– Бухгалтер Света, решила переехать, – предположил один из бандитов, с неаккуратно зашитой заячьей губой, искривлённым по этой причине, носом и подозрительным взглядом.

– Нет, я бы знал, – по-хозяйски отпечатал Семён.

– Тогда дети бабки Евдокии. Надо же, едва дождались по-

хорон, – подсказал другой мужчина, с мокрой, от жары и проступающего пива, тёмной волосатой грудью, с которой на живот текли струи пота.

– Нет, у них ещё документы о наследстве не оформлены. Неужели Марго опять балуется? В этой квартире девицы, её дочери, не было? – спросил Семён.

– Не знаю, – соврала Кира, ей хотелось получить информацию, не открывая своих карт, – какая-то девушка заходила, но сразу ушла.

– Если Марго, то не советую связываться. Ей несколько лет назад удалось угнанную машину продать жене местного начальника милиции, большой скандал вышел, здешний нотариус с ней дело иметь не захочет, – без видимого интереса констатировал Семён.

Поговорили ещё немного, вероятно, у Киры получилось казаться абсолютно несведущим в практических делах человеком.

– Вот, что, езжайте-ка Вы домой, – сказал снисходительно мужчина с самой толстой цепью, единственный из компании в солидных чёрных очках, в прошлом, видимо, турист, а теперь растолстевший, но рельефных форм торса ещё не утративший, – и никогда больше сюда не возвращайтесь. – Он сделал пару шагов к наивной, интересной женщине, и дружески сжал горячей рукой её плечо.

– Спасибо, я так и сделаю, – пообещала Кира и, с целью высвободить плечо, поднялась, и пошла на остановку ждать

автобуса, а также обдумывать услышанное.

Пока добиралась домой, в голове крутились события дня. Мужа не было, решила посоветоваться с приятелем-бизнесменом, ему по роду деятельности приходилось встречаться с разными людьми.

Более всего Киру интересовала женщина-хозяйка квартиры, вроде, и не пьяница, но не такая, как другие. О красавице в помещении без стен и квадратном чудовище с голубыми глазами она, почти, забыла.

– Если эта дама ведёт себя, как ты рассказываешь, то она уголовница, – предположил приятель. Предположил, или, скорее всего, внёс ясность. – Смотри, осторожно с ними, если, уж, решила ввязаться в это дело.

Кира легла на диван, лицом вверх, рассматривая, как экран, лепной потолок комнаты, как будто там должны были появиться кадры того, как поступать ей дальше, уж очень заманчивым было предложение. Пришёл муж, они обедали в кухне, Кира рассказывала о своём путешествии, он читал газету, затем перешли в гостиную, включили телевизор, Кира хотела совета, но он, не отрываясь, смотрел футбольный матч.

Легли спать, почитали, выключили бра над головой, и снова крутились в Кириной голове вопросы: что и как говорила женщина, хозяйка квартиры, почему не спорила с матерью, а кричала девушка, её дочь, будто бы хотела докричаться до Киры, наконец, разговор с бандитами-бизнесменами. «Мар-

го» ли эта женщина? И, вдруг вспомнилась отчётливо фраза: «нотариус с ней иметь дело не станет». Зачем же приглашали оформлять сделку в посёлке? И тут мысль, которая пришла бы в голову давно, если бы она касалась другого, но невозможно примерить эти обстоятельства на себя.

«Они не собирались продавать квартиру, хотели убить меня и мужа, это была охота за деньгами, действовали сообща: цыган в шикарном костюме и его спутница, якобы жена, красавица в цыганской шали, мальчик и властное квадратное существо, от которого шла такая энергетика, что, предложи он Кире секс, пожалуй, у неё не было бы сил отказать. Если бы взяла с собой деньги, выловили бы её неопознанный труп где-то в районе плотины... Чудовище...»

– Послушай, – начала трясти засыпавшего супруга Кира, – нас планируют убить.

– Кто, что, кого? – очнулся от наступавшего сна мирный супруг. – Ты перегрелась на солнце, выпей аспирина и попробуй заснуть. Ну, кто станет убивать человека за несколько тысяч баксов? – удивился научный работник, постигший многие секреты физики, защитивший диссертацию, но, всё ещё, не «врубившийся» в современную жизнь.

На следующий день, это была суббота, Кира придумала, как выйти из ситуации, покупать дёшево квартиру в прекрасном месте ей больше не хотелось.

Вечером позвонили по телефону, видимо, «Марго». Мужским голосом спросили, готова ли Кира к покупке, в смысле

денег и документов. Несколько минут Кира плела историю о том, что муж ездил в другое место и договорился, но на том конце провода не желали слушать возражения, ведь, Кира твёрдо обещала купить. Тогда Кира, чтобы закончить разговор, сказала, что будет умялять мужа изменить решение в пользу Марго.

На следующий день снова раздался звонок, теперь Кире угрожали, она стала нервничать.

– Что ты волнуешься? Они же не знают, где мы живём, – беспечно заметил супруг.

Тут Кира вспомнила, что преступники знают не только телефон, но и адрес, она сама написала им сведения из паспорта.

Начиная с понедельника, каждый вечер в квартиру раздавались телефонные звонки, то спрашивали неизвестных людей, вроде бы ошиблись номером, то молчали, а потом бросали трубку.

– Мне кажется, нас хотят обокрасть, – предположила Кира.

– Кому это нужно? Мы, что, миллионеры? – задал резонный вопрос супруг.

И, снова, жена умолчала о том, что ввела в заблуждение Марго, уверяя, что деньги хранятся у неё дома.

В четверг, возвращаясь из офиса очередного клиента, она увидела впереди, недалеко от своего дома что-то знакомое, и ноги стали слабыми второй раз за неделю. Широкая спина

горой, под пиджаком, цвета стали, мелькала впереди и исчезла среди людей около входа в продуктовый магазин. Кира быстро повернула назад, забежала за угол, и прошла домой проходным двором.

В субботу утром её с мужем ожидали друзья на даче, планировалось отмечать день рождения приятеля. Обычно праздник начинался вечером, а заканчивался следующим днём. Никогда ещё не случилось, чтобы Кире так не хотелось ехать к друзьям. Она посмотрела на мужа:

– Милый, давай вернёмся домой сегодня же...

– Зачем? Я хочу выпить, расслабиться и отдохнуть на воздухе после недели работы в «пекле». С какой стати тащиться домой, пьяному, на ночь глядя?

Да, возвращаться в этот же день было не логично. А как поступить «вогично», Кира не знала. Она обреченно достала из вазы в буфете деньги, положила купюры в сумку, прибавила к ним сберкнижку, открыла перламутровую шкатулочку на туалетном столике, два золотых кулона с цепочками повесила на шею, после этого надела на пальцы три золотых кольца.

В воскресенье вечером, войдя в квартиру, хозяева обнаружили разгром. Воры влезли ночью по оконной решётке на первом этаже, потом по водосточной трубе на третий, разбили стекло в форточке и через неё открыли окно, вскрыли подоконники, кое-где разобрали паркет, разрезали сидения кресел, диванов и мягких стульев. Искали деньги. Не

найдя ничего ценного, хотели вынести компьютер, принтер, сканер, то есть всю технику, необходимую для работы Киры. Поднесли к выходу, но обнаружили, что не могут открыть входную дверь. Хозяев спас громадный замок с секретом, а Кира с мужем столько раз собирались его снять!

Эту квартиру, лет десять назад, неугомонная Кира получила в обмен на маленькую, с доплатой. Вместе с квартирой им достался массивный замок на тяжёлой дубовой двери, который невозможно было открыть изнутри, если его запирали выходявший человек. Случайное, по ошибке, закрытие этого замка извне, приводило к тому, что оставшийся в квартире, вынужден был звонить соседям, просить их спуститься во двор, выкидывал в форточку ключ, чтобы те могли отпереть дверь с лестницы. Супруги пользовались им только, когда уезжали надолго.

Монстр среди замков сберёг Кирины средства производства. О ценности самого компьютера и золотых безделушек в шкатулке, если бы они там были, она, даже, не думала. Всё это не шло в сравнение с тем, что на жёстком диске хранилось не менее сорока баз данных клиентов, с которыми она работала по договорам, и которые ей доверяли абсолютно. Невозможно было представить, чтобы детальные подробности работы фирм заказчиков, попали в чужие руки, и ходили бы по городу в преступной среде.

Кира спустилась во двор, посмотрела на тонкие решётки окон первого этажа, на шаткие крепления, едва держащие

старые водосточные трубы, вспомнила недоеденные, растоптанные на полу в кухне чипсы, пустую коробку из-под сока, и поняла, что в квартире был не взрослый человек, а мальчик, скорее всего, из притона в «Сосновой Роще». «Медведя» в серебристом пиджаке крепления бы не выдержали, да, у него, похоже, другая «специализация».

В понедельник вечером раздался звонок телефона, Кира сняла трубку.

– Вас беспокоят насчёт недвижимости, – услышала женский голос.

– Что ещё? – Сердце оборвалось. А она-то думала, что в расчёте с преступниками: обещала купить квартиру, но не сдержала слово, они пришли за деньгами, не нашли, и разгромили её дом.

– Простите, это Виолетта Юрьевна... – голос стал удивлённым.

– Ах, извините, пожалуйста, – Кира вспомнила витиеватое имя и отчество, сердце вернулось на место. Риелтор обещала помочь им с покупкой комнаты. Как давно это было? Чуть больше недели, а Кире кажется, что прошёл год. По крайней мере, переживаний вокруг этого квартирному вопросу было на целый год, не меньше.

– Как Ваши дела, нашли что-нибудь? А то, я могу вам предложить вариант, – продолжила любезная женщина.

– Спасибо, но, похоже, мы с мужем берём тайм-аут на некоторое время.

И тут, привыкшая надеяться на себя и Генриетту Карловну в мгновения риска, Кира решила ещё раз испытать судьбу. Рассказала женщине, которую никогда не видела, странную, случившуюся с ней историю, умолчав, однако, о попытке ограбить квартиру. Кира не могла быть уверенной, что риелтор не из шайки уголовников, в любом случае интересно, что скажет позвонивший человек. А какие у Киры доказательства, что в квартиру проникли, именно, те люди? Никаких, и не надо им знать, что Кира понимает, кто это сделал, что видела «чудовище» около своего дома.

– Да, что вы? Какие страшные вещи говорите! – услышала в ответ Кира. – На прошлой неделе у меня сорвалась сделка по покупке комнаты двумя иногородними студентами, мужем и женой, именно, в Сосновой Роще. Неожиданно получили, как они сказали, очень выгодное для себя предложение, поехали посмотреть и пропали. Дело в том, что у меня дома до сих пор лежит их рюкзак, они хотели отнести его в комнату, которую я им нашла, но за ним не вернулись...

Больше уголовники не приходили, и никто не звонил по телефону, якобы, ошибаясь номером. Муж, недовольно ворча, починил подоконники и паркет. Кира, вздохнув, часть денег, положенных в сберкассу, истратила на покупку мягкой мебели.

В «Сосновую рощу» с тех пор не ездила. Меньше всего хотелось бы встретиться ещё раз с красивой надменной женщиной из безразмерной комнаты, с синеглазым убийцей,

мальчиком, покрытым лишаём, с грубой уголовницей и её дочерью.

Если же кто-то предлагает Кире легко приумножить деньги или приобрести за бесценок дорогую вещь, вспоминает, как пыталась один раз купить дешёвую квартиру, и живой осталась благодаря царапине в мозгу, которую оставила на память ученикам некрасивая учительница со стальной указкой в руках. «Не вогично».